

В. А. ЧЕРНОВ

ОНОМАСТИКА В «ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»

Описывая в «Житии» свою жизнь, полную странствий и встреч, протопоп Аввакум не мог не назвать тех людей, с которыми его свела судьба, и те места, где ему пришлось побывать, не мог не употребить ономастической лексики.

В настоящей статье анализируются с точки зрения семантики, структуры, функционирования, а также отражения грамматических и фонетических законов русского языка XVII в. имена собственные, извлеченные из двух, имеющих значительное количество разночтений редакций «Жития», дошедших до нас в автографах¹. Всего в обоих автографах насчитываются 292 лексические единицы, являющиеся наименованиями лиц и географических объектов. Кроме того, в качестве ономастического материала рассматриваются притяжательные и относительные прилагательные, образованные от собственных имен и не входящие в состав сложных наименований (их 47).

§ 1.

По семантическому признаку все эти имена распределяются по нескольким группам.

Самой многочисленной по количеству единиц (184) является группа антропонимов — имен людей. В «Житии» это имена русских и «иностранцев»². Так как имена русских имеют некоторые структурные отличия от имен иностранцев, целесообразно эти две категории имен рассмотреть отдельно.

Имена русских. Аввакум называет русских по-разному: по личному имени, по имени и отчеству, по имени и фамилии, по

¹ Первый в составе «Пустозерского сборника» из собрания В. Г. Дружинина, хранящегося в Библиотеке АН СССР (материал из него помечается индексом «Д», за которым следует цифра, обозначающая лист сборника, напр., Д-201); второй в составе другого, тоже «Пустозерского сборника», принесенного в дар древлехранилищу Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР И. Н. Заволоко (материал из него помечается индексом «З», напр. З—120б).

² Этим условным термином в статье обозначены преимущественно библейско-евангельские персонажи, а также зарубежные деятели церкви, как современники Аввакума, так и древние.

имени, отчеству и фамилии. Иногда он именует людей посредством только патронима, что не противоречит традиции, либо только фамилии (или прозвища).

Личные имена употребляются³ как в канонической, напр., *Антония* (вин. ед.)³ 3—23, Д—208, *Епифаний*⁴ Д—241об, *Мария*⁵ 3—13, 42, Д—196об и т. п., так и в разговорной форме напр., *Антон* Д—208, *Василей* 3—18, Д—200об, *Марья* Д—219об, *Огрофена* 3—39 и т. п.

Передавая разговоры между близкими людьми или рассказывая о приятных ему лицах, Аввакум дает имена в уменьшительно-ласкательной форме: *Аввакумушко* Д—246об, *Афонасьюшко* Д—254об, *Кирилушко* Д—272об, *Кирилушком* 3—88об, *Тереньюшко* 3—54, *Тереньтьюшко* Д—234об.

Конструкции из личного имени и отчества Аввакум употребляет, как правило, при назывании лиц, с которыми он находился не в близких отношениях: *Иван Андреевич* Д—240, *Иван Богданович* Д—238, *Стефан Вѣнифантьевич* Д—275об, *Ивана Глебовича* 3—64, *Евдокея Кириловна* 3—41, Д—218, *Прокопей Кузмиц* 3—59, *Лука Лаврентиевич* 3—70, *Луку Лаврентьевича* 3—77, Д—260, *Настас[ь]я Марковна* 3—91, Д—275об, *Петр Михайлович* Д—246, *Василей Петрович* 3—19об, Д—200об, у *Анны Петровны* Д—244об, *Евдокея Прокопьевна* Д—244об, у *Федосьи Прокопьевны* Д—244об, *Евдокею Прокопьевну* 3—64, *Иван Родионович* 3—17, Д—199об, *Фекла Симеоновна* Д—218, *Евфимей Стефанович* 3—19, Д—201. Такими полными (двухкомпонентными) именами писатель называет представителей социальной верхушки: князей, бояр, их жен и детей. Но полное имя употреблено и в рассказе о кожевнике *Луке Лаврентьевиче*, одном из любимых последователей Аввакума, казненном года за два-три до написания «Жития». Таким же образом он обращается в торжественных случаях и к своей жене *Настасье Марковне* (например, прося у нее прощения за обиду). В обычных же условиях он зовет ее запросто *Марковной* 3—45, Д—223, как и она его *Петровичем* 3—35об, Д—223об, 236об, 237.

Патроним в полных именах не всегда оформлен суффиксом *-ович (-овна)*. В именах «рядовых» людей он имеет суффикс *-ов*, что находилось в соответствии с социальными нормами⁶. Так, одно из упомянутых в «Житии» лиц, дьяк *Иван Калитин*, названо по имени и отчеству *Иваном Уаровым* 3—72об, Д—257. Однако

³ Имена приводятся в той грамматической форме, в какой они стоят в тексте. В необходимых случаях дается указание на падеж и число.

⁴ В § 1 и 2 орфография приближена к современной: не различаются буквы «е» и «ять», «ф» и «фита», «и» и «і», опускается в конце слова «ъ».

⁵ «Именем Мария называлась только богородица... личным каноническим именем могло быть только Мăрия» (Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен. История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам. [М], 1969, стр. 39—40).

⁶ В. К. Чичагов. Из истории имен, отчеств и фамилий. (Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.). М., 1959, стр. 48.

остаётся непонятным, почему Аввакум, образуя патронимы даже простолюдинов с *вичем*, наделяет царевну Ирину отчеством *Михайлова* (3—106), а не *Михайловна*. Вероятно, здесь описка, пропуск буквы «н».

Фамилии в «Житии» фиксируются сравнительно редко, большинство образовано по моделям, сохранившимся у русских до настоящего времени: *Башмаков* 3—62, *Бекетов* 3—29об, Д—209, *Воротынской* 3—63об, *Елагин* 3—78, Д—261об, *Елизаров* 3—59, *Камынин* Д—238, *Лобков* 3—74, *Ломков* 3—29, Д—209, *Лутохин* 3—74об, *Марков* 3—74, *Милославская* Д—244об, *Морозова* Д—244об, *Нелединской* Д—205об, *Неронов* Д—204об, *Пашков* Д—215, *Ртищев* Д—244, *Салов* 3—63, *Салтыков* Д—246, *Стрешнев* Д—244, *Урусова* (вин. ед.) Д—249об, *Хилков* Д—240, *Хованскова* (вин. ед.) Д—249, *Шереметев* Д—200об⁷, другие, с точки зрения современного сознания, мало похожи на русские фамилии, они более напоминают прозвища (а возможно, ими и являются): *Башмак*⁸ 3—27, Д—207об, *Струна* 3—28, Д—208, *Телной* 3—51, Д—229.

По имени и фамилии (без отчества) лица называются независимо от социального положения: князь *Ивана* ... *Хованскова* Д—249, боярню *Федосью Морозову* 3—64, Д—249, к (окольничему) *Феодору Ртищеву* Д—238об, с (воеводой) *Пашковым с Афонас[ъ]ем* 3—101об, полуголова *Иван Елагин* Д—261об и т. п.

Имена иностранцев. Иностранцев Аввакум называет только личными именами, которые у церковных деятелей обычно сопровождаются прозвищами, характеризующими индивидуальные качества (*Иван Богослов* 3—111об, *Дионисием Ареопагитом* 3—73, Д—257об, *Феодорит Блаженный* 3—109об, *Василий Великий* 3—9, Д—194 и т. п.), прозвищами—указаниями на национальность (*Максим Грек* 3—109об), указаниями на местность, населенный пункт, где они отправляли культовые обязанности или откуда происходили (*Мелетий Антиохийский* 3—72, Д—256, *Феодора Едесского* 3—42об, Д—220). В последнем случае нередко указывается и сан этого клирика⁹.

Характерно, что имена иностранцев (а часто и русских священнослужителей) даются, как правило, в канонической форме или в форме, максимально приближенной к ней: *Афанасий Великий* Д—195, по *Афанасию* Д—195 (или *Афонасий* 3—10об, по *Афонасию* 3—12), ср. имя воеводы *Пашкова*, передаваемое в разговорной форме *Афонасей* 3—41об, *Афонас[ъ]я* Д—233об и др.;

⁷ Фамилии приводятся только в одном из употреблений. В тексте обоих автографов «Жития» некоторые встречаются многократно. Так, фамилия *Пашков* в разных падежах употреблена 35 раз.

⁸ *Башмак* и упомянутый выше *Башмаков* — разные лица.

⁹ Аналогичным образом именуются и русские церковники: знаменосцы *Гурий* и *Варсонофий*, казанские чудотворцы 3—72, Д—256об, *Филипп*, соловецкий игумен 3—72, Д—256об, соловецкого пустынника, инока-схимника *Епифания старца* 3—80об, Д—262об и др. Безусловно, такое именование деятелей русской церкви является перенесением на русскую почву системы, сложившейся на Западе.

Григорий Нисский 3—9, Д—194, ср. *Григорей Телной* (кормщик, рулевой) 3—51, Д—229об, *Гурий* и *Варсонофий* 3—72, Д—256об и т. п.

Весьма своеобразны, но вполне в духе Аввакума два случая образования патронимов по русскому образцу для библейско-евангельских персонажей: *Исаак Авраамович* 3—34об, з *Зеведевичи* (т. е. «с Зеведевичами») — об апостолах Иакове и Иоанне — сыновьях Зеведея 3—48об, Д—227.

Вторую группу составляют названия географических объектов (108 лексических единиц).

Названия стран (государств): *Мунгальское царство* 3—48, Д—226, *Палестина* 3—71, Д—255, в *Персиду*¹⁰ 3—114об, Д—265, *Пол[ь]шу* 3—114об, *Реши немец*¹¹ 3—111об, *Росию* Д—248, *Русии* (род ед.) 3—22, Д—203об, *Русь* 3—112об, в *Греках* (=в Греции¹²) 3—112об, 113, во *Израили* 3—8, Д—193.

Названия областей: в *Дауры* 3—31об, Д—210об, в *Даурской земле* Д—219, в *Новгородских пределах* 3—23, Д—204об, *Сибирь* 3—90, Д—274.

Названия населенных пунктов:

а) российских: *Астрахань* 3—24, Д—205, в *Брацкой острог* 3—36, Д—214об, на *Верхотурье* Д—238, на *Вологду* 3—24об, Д—205, на *Кострому* 3—21, Д—203, на *Лопатицах* 3—87, Д—205, в *селе Григорове* 3—13, Д—196об, в *Еисейск* 3—31об, Д—210об, в *Казань* 3—18об, Д—200об, в *Колской острог* 3—24об, 3—24об, Д—205, на *Кострому* 3—21, Д—203, на *Лопатицах* 3—87, Д—271, под *Лысковым* 3—87, на *Мезень* 3—61, Д—246, до *Москвы* 3—62об, под *Мурашкиным* 3—87, в *Пустозерье* 3—76, Д—259об, на *Резани* 3—67, Д—252, в *Савину слободку* Д—258об, до *Тоболска* 3—27об, Д—208, на *Устюге*¹³ 3—68, Д—254, в *Юрье-вец Поволской* 3—20об, Д—254;

б) иностранных: во *Афинех* 3—5об, *Вавилон* 3—114об, Д—265, против *Гаваона*¹⁴ 3—8, Д—193, во *Ерихоне*¹⁵ Д—232, во *Еросалиме*¹⁶ 3—115, Д—285, *Рим* 3—71, Д—255, *Сион*¹⁷ 3—31, в *Солнечнем граде*¹⁸ 3—6об, Д—191об.

Названия частей населенных пунктов, монастырей, подворий, дворов и т. п.: на *Болоте*¹⁹ 3—70, ис *Хамовников* 3—25об, до

¹⁰ Обычное в ту пору название Персии. Ср. «едучему в Персиду» в письме одного из сподвижников Петра I Ф. А. Головина (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 2. СПб, 1889, стр. 513).

¹¹ Из польского gzesza — 'германская империя' (нем. Reich).

¹² Слово, являющееся этнонимом, в результате метонимии стало выполнять роль названия страны. Это явление издавна известно русскому языку («путь из варяг в греки»); ср. еще польск. we Wloszech — в "в Италии".

¹³ Гор. Великий Устюг.

¹⁴ Город, упоминаемый в библейско-евангельской литературе.

¹⁵ Иерихон — город, упоминаемый в Библии и Евангелии.

¹⁶ Еросалим=Иерусалим.

¹⁷ Город, упоминаемый в библейско-евангельской литературе.

¹⁸ Калькированное наименование города в Египте — Гелиополя.

¹⁹ Болотная площадь в Москве.

Андрон[ь]ева монастыря 3—24об, Д—205об, до Божоявленского монастыря 3—27, Д—207, в Вознесенском монастыре (так!) 3—47, Д—226, под Красное крыльцо 3—60, Д—245, в монастырь к Николе 3—63, Д—247об, на Никольское подворье 3—74об, Д—259, в Никольском монастыре 3—64об, на Ондреевское подворье 3—74об, на Патриархове дворе 3—24об, Д—205об, в Пафнютьев монастырь 3—61об, Д—246об, на Пафнут[ь]еве подвор[ь]е 3—64, в Симанове монастыре 3—24об, Д—205, к Спальному крыльцу 3—62об, в монастыре у Спаса на Новом 3—24, Д—205, в Спасов Каменной монастырь 3—24об, Д—205, в Тайнишные Водяные ворота 3—62об, за Тверскими ворота 3—25, Д—205. Обычно топонимы этой подгруппы употребляются с «детерминативами» (номенклатурными терминами), указывающими на тип объекта. Однако в «Житии» встречаются и, по-видимому, обычные в просторечии эллиптические конструкции, в которых детерминатив явно опущен: х/к Казанской (церкви) 3—23, 75об, у Николы (в монастыре) Д—248, в Пафнютьев (монастырь) 3—64об, в Пафнут[ь]еве (монастыре) 3—62, Д—247, (в монастыре) у Спаса на Новом 3—24, Д—205, на Новом Д—207об, в Чюдов (монастырь) Д—205 и др.

Необходимость употребления детерминативов в этой разновидности названий обусловлена, без сомнения, повторяемостью их для именования разнородных объектов: «у Николы» — это может быть и церковь, и монастырь, и площадь и т. п.

Названия физико-географических объектов: в Волгу 3—18об, Д—200об, по Ингоде реке 3—40, Д—216об, на Иргень озеро 3—46, Д—224об, за Кудмою рекою 3—13, Д—196об, на Лену 3—30, Д—210, с Нерчи реки 3—45, Д—222об, на Оби... реке 3—55об, Д—237об, к порогу Падуну 3—36об, Д—214, подле реки Сундовика 3—86об, Д—270об, в Тиверь реку 3—112, в Тугунске реке 3—31об, Д—211, на Угрешу 3—63, Д—247об, по реке по Хилку 3—37об, на Шакишу озеро 3—104.

Как видим, топонимы и этой подгруппы, как правило, снабжены детерминативом. По-видимому, это связано с тем, что называются объекты малоизвестные, и для полного понимания содержания высказывания необходимо знать, какая реалья называется топонимом. Однако детерминатив почти всегда опускается, когда объект широко известен или когда в предыдущем изложении уже был назван тип объекта. Ср. из-за Волги 3—16об, Д—198об; плывучи Волгою в Казан[ь] Д—200об, бросить в Волгу 3—18об, Д—200об, по Волге сам-третей ушел 3—21, Д—203; Вот в ызбе с нами же на Лопатицах, а кажется ему, подле реки Сундовика, а Сундовик верст с пятнатцеть от нас 3—87. Правда, есть и другой пример, когда гидроним, сначала введенный в текст без детерминатива, потом получает его: велено меня ис Тоболска на Лену вести 3—30, Д—210, поехал на Лену 3—31, Д—210об, велено меня сослать ис Тоболска на Лену, великую реку²⁰ 3—92об, Д—277.

²⁰ В данном случае для Аввакума, вероятно, важным было не определение класса топонима, а характеристика самого объекта.

Детерминатив сравнительно легко опускается тогда, когда топоним является именем существительным, а географический термин присоединяется к нему как приложение. При этом характерно, что местное население в обычных условиях и употребляет топоним без детерминатива, который, с точки зрения этого населения, вносит избыточную информацию и перегружает речь. Однако, когда в данной местности два разнородных объекта — чаще всего город и река — носят одинаковое наименование, гидроним почти не употребляется без детерминатива. Когда говорят «Москва», все понимают, что речь идет о городе. Если же надо назвать реку, скажут «Москва-река»²¹.

Когда же географический термин входит в состав сложного топонима, состоящего из этого термина-существительного и определяющего его прилагательного, то пропуск термина в речи возможен только у местного населения и только при эллипсисе²². У Аввакума такие топонимы употреблены в полном составе: до *Байкалова моря* 3—64, Д—234, на *Воробьевы горы* 3—73об, Д—258, на ....*Долгом пороге* Д—211об, на *Шаманской порог* 3—32, Д—211.

Третью группу составляют этнонимы — наименования народов. В «Житий» их немного (13). В силу однородности (за исключением одного случая) они не нуждаются в классификации: *албанасы*²³ 3—71, Д—255, *башкирцы* Д—238, *волохи*²⁴ 3—71, Д—255, *греки* 3—112об, ис *кумык* 3—94об (ис *кумыков* Д—279), *ляхи*²⁵ 3—71 (два раза), Д—255 (два раза), *серби* 3—71, Д—255, *татаровя* 3—72об, *тунгусов* 3—48. В одном случае функцию этнонима в результате метонимии выполняет название страны: Господи, источник ис камени в пустыни людям воду, жаждующему *Израилю* Д—240—240об (3—58 — аналогично).

К этой группе примыкают два встретившихся в «Житий» названия людей по месту жительства или рождения: *москвитин* 3—70 (в автографе «Д» — *московской жилаец* 260об), *римляне* 3—112об, Д—255, *римляня* 3—71.

В данной работе не учтены названия разного рода календарных дат. Но можно заметить, что в «Житий» это преимущественно названия периодов или дней, посвященных тому или иному «святому»: до *Филиппова поста* Д—214об (посту 3—36), *Петров день* 3—28об, Д—277, с *Симеонова дни* 3—59об, Д—244 и т. д.

---

²¹ Ср. также замечание С. И. Ожегова о Луге (городе) и Луге-реке (в кн.: С. И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, стр. 336).

²² В результате эллипсиса имя прилагательное может подвергнуться полной субстантивации: Белая, Полевской (этимологически: Белая река, Полевской завод).

²³ Вероятно, албанцы.

²⁴ Итальянцы или румыны (ср. польск. Włoch — 'итальянец'; болг. влах — 'румын').

²⁵ Поляки.

В разбираемом материале отразились явления, которые следует рассматривать с точки зрения грамматики. Надо только иметь в виду, что в «Житии» ономастическая лексика ограничивается двумя частями речи: именем существительным и именем прилагательным. Слова первой части речи являются либо именами собственными сами по себе, либо компонентами составных именований; слова второй части речи являются вторым, грамматически зависимым от первого, но семантически доминирующим членом составных наименований.

В первую очередь надо отметить отражение одной из мощных тенденций той поры — сложения единого типа склонения всех существительных во множественном числе под сильным влиянием основ на **-ā*. Формами мн. числа числа чаще обладают этнонимы.

Им. падеж мн. числа: албанасы 3—71, 112об, Д—255. Влияние основ на **-a* сказалось в том, что форма им. падежа совпала с формой вин. Однако встретились (дважды в автографе «3») и старая форма с флексией *-и*: *серби* 3—71, 112об, Д—255. Образованию этой формы могло способствовать до некоторой степени то, что слово «серби» стоит в контексте рядом со словами, у которых окончание выступает в виде *-и* по фонетической причине: *волохи* 3—71, 112об, Д—255, *греки* 3—112об, *ляхи* 3—71 (два раза), где [и] на месте [ы] после заднеязычных согласных.

Дат. мн.: *грекам* 3—112об.

Твор. мн.: с *татарами* Д—238. Однако находим и две старые формы на *-ы* (*-и*): за *Тверскими вороты* 3—24, Д—205, з *Зеведевичи* 3—48об, Д—227. Оба случая в церковном контексте — первый в указании на местоположение монастыря, второй — в речи о евангельских персонажах.

Предл. мн. Формы образованы обычно с новым для муж. и ср. рода окончанием *-ах*: в *Греках* 3—122об, 113, в *Даурах* 3—58, 101об, Д—240, о *Лжехристах* 3—107об, на *Лопатищах* 3—87 (дважды), Д—271. В контексте, навеянном церковными книгами (зачин собственно жития), встретились старая форма с флексией *-ех*: в *Новгородских пределах* 3—23об, Д—204об. О том, что эта флексия не являлась живой в XVII в., свидетельствует не только русский общезыковой материал²⁶, но и ономастический. В «Житии» обнаруживаем форму «во *Афинех*» (3—5об) от слова, которое относилось к основам на **-a* и должно было иметь форму на *-ах* (ср. на *Воробьевых горах* 3—74об), что и находим в другом автографе: во *Афинах* Д—191. Факт образования формы с флек-

²⁶ Ср. мнение Ф. Кокрона о том, во-первых, что формы дат., твор. и предл. падежей мн. числа на *-ом*, *-ы*, *-ех* были характерным признаком церковно-славянского и административного стилей, во-вторых, что «среди людей, по крайней мере образованных классов, царил неуверенность по поводу употребления новых окончаний» (F. Cocron. La langue russe dans la seconde moitié du XIII-e siècle. Paris, 1962, стр. 90).

сий, употреблявшейся прежде в основах на *[̣]o (во *Афинех*) наталкивает на мысль о том, что в русской разговорной речи в XVII в. существовала уже система с одной формой окончания предл. падежа мн. числа для всех родов, и это состояние в результате интерференции проникало и в писания на церковнославянском языке. Соотнесенность флексии *-ex* с основами на *[̣]o (и на *[̣]i) нейтрализовалась, и стало возможным употребление с ней существительных прежних основ на *[̣]a, ср. «имя ей во *иноцех Агафья*» 3—78, Д—282. В других памятниках письменности XVII в. также встречаются формы с окончанием *-ex* от основ на *[̣]a. Напр., в книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» отмечены «в беседах», «в хоромех» и еще 19 форм на *-ex*²⁷.

В предл. падеже ед. числа мягкой разновидности I и II склонений имеют окончание *-и* только имена собственные из церковных книг: при *Езекии* 3—8об, Д—193, о *Израили* 3—107, при *Сисинии* 3—42об, Д—200; во *Израили* 3—8, Д—193. У остальных прочно укрепилась флексия *-е*: в *Даурской земле* Д—219, 241об, на *Нерче реке* 3—40об, Д—217, на *Байкалове море* 3—82об, Д—214об, на *Ондреевском подворье* 3—74об, на *Пафнутьеве подвор[ь]е* 3—64, в *Пустозер[ь]е* 3—78, Д—261об. Флексия *-е* проникает в безударной позиции и в III склонение: на *Мезене* 3—61об (но в том же отрывке в другой редакции — на *Мезени* Д—246об), в остальных случаях в обеих редакциях находим формы с окончанием *-и*: на *Мезени* (16 раз, считая за отдельный случай и параллели в другой редакции); при *Рааве*²⁸. Но появление флексии *-е* в III склонении, может быть, и не является результатом действия морфологического процесса, а обусловлено неразличением заударных гласных после мягких согласных в произношении Аввакума. Вероятно, этим же объясняется дифференциация форм к *Рўсе* (дат. ед.) 3—45, Д—222об и на *Русї* (предл. ед) 3—42, Д—219об, 242об, в которых *-е* выступает в безударной позиции, а под ударением *-и*.

Звательные формы у собственных имен, употребленных в «Житии» в функции обращения, всегда совпадают с формой им. падежа, напр., увы, *Аввакум* прости, 3—105, *Еремей* 3—50об, Д—229, *Марковна* 3—45об, Д—233, *Настас[ь]я Марковна* 3—91, Д—275, *Петрович* 3—45об, Д—233об и т. д., тогда как у некоторых нарицательных существительных, имевших хождение в церковном обиходе, сохранились (как церковнославянизмы) особые формы зват. падежа: *боже, господи* и т. п.

В им. падеже мн. числа еще две формы привлекают внимание тем, что имеют конечный звук [ʼa]: *римляня* 3—71, *татаровя* 3—72об. По-видимому, это все же, вопреки мнению П. С. Кузнецова²⁹, отра-

²⁷ Chr. S. Stang. La langue du livre Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647. Oslo, 1952, стр. 27.

²⁸ Ср. Раавь блудная (им. ед.) Д—232.

²⁹ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 54.

жение фонетического явления — неразличения заударных гласных после мягких согласных³⁰, ср. в том же контексте в другом автографе *римляне* Д—255, и в другом контексте тоже *римляне* З—112об. П. Я. Черных приводит наряду с формой «татаровя» также и форму «татарове», отмечая, правда, что последняя более редка³¹.

В род. падеже мн. числа у слов муж. рода обнаружены как формы с нулевой флексией *Реши немец* З—112об, ис *кумык* З—94об, так и формы на *-ов тунгусов* З—48, ис *кумыков* Д—279. Как видим, в равных редакциях одно и то же слово выступает в разном оформлении, отражая колебание в речевой системе Аввакума.

Отметим еще своеобразные конструкции «князь Ивана» Д—249, «князь Петра» Д—249, у которых в вин. падеже одно слово стоит в форме, совпадающей с формой им., а другое с формой род. падежа.

В таких конструкциях, как отмечает Кокрон, слово «князь» остается неизменяемым и в переписке Хованских (при собственном имени в разных падежах): про здоровье... *князь Ивана* (Х. 399³²), сына моего *князь Юрья* (Х. 299), ко *князь Юрью* (Х. 350), с *князь Андреем* (Х. 298, 304, 305), о *князь Осипе* (Х. 447) и т. п., но не обязательно: про здоровье *князя Андрея* (Х. 390), ко *князю Юрью* (Х. 308)³³. Очевидно, употребление петрифицированных форм не было устойчивым, и в этом отношении очень показателен случай, когда одна из стоящих рядом форм окаменелая, а вторая — согласуемая: с *князь Петром Ивановичем* и с *князем Андреем Петровичем* (Х. 418)³⁴.

Употребление слова «князь» в неизменяемой форме было явлением обыкновенным не только в русской речи XVII в., ср. у Петра I: а денги у *кнезь Петра* есть³⁵, от *князь Григорья Долгорукова*³⁶, у его корреспондентов Ф. Склаева и Г. Меншикова: у *кнезь Алексея Барисовича*³⁷, но встречается еще у писателей конца XVIII и первой половины XIX в. Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова³⁸.

---

³⁰ Такое объяснение [ʼа] в окончании дается, напр., А. А. Шахматовым в «Исторической морфологии русского языка». (М., 1957, стр. 335).

³¹ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 270.

³² Ввиду малодоступности книги Кокрона сохраняем его ссылки на издание: Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. (Старина и Новизна. Исторический сборник, издаваемый при общ. ревнителях русского исторического просвещения, кн. 10. М., 1905).

³³ F. Cosron. La langue russe..., стр. 35.

³⁴ Там же.

³⁵ Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. 2, стр. 130.

³⁶ Там же, стр. 17.

³⁷ Там же, стр. 454.

³⁸ В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 2, исправленное и дополненное. Вып. 2. Части речи. Пг., 1915, стр. 81.

Возникновение этого явления связано, вероятно, с тем, что обозначая одно лицо, нарицательное существительное вместе с именем собственным образовало слитное единство, в котором способность к изменению сохранял только второй компонент (аналогично тому, что произошло со словом «Новгород», представлявшим собой первоначально словосочетание со свободным прилагательным — еще в XIV в.³⁹ обе части склоняются)⁴⁰. Но слияние произошло, по-видимому, не в сочетании двух существительных, так как склонение каждого из них в живой речи не должно было вызывать затруднений, а в сочетании притяжательных прилагательных типа «князь иванов» (самый ранний пример такого употребления в «Материалах» И. И. Срезневского приведен из «Псковской судной грамоты 1397—1467 гг.»). Не исключено также и то, что указанные сочетания вскоре могли перейти в сложные прилагательные⁴¹ — возможно, что в другом примере из «Материалов» И. И. Срезневского «хмелники княжо Семеновы» (Разъезжая 1509 г.)⁴². Но тогда оказывается как бы немотивированным переход *з* в *ж*, и в этом сложном целом восстановился звук [з] в конце первой части⁴³. Такие формы⁴⁴ встречаются в переписке Хованских: за князь Осипова сына (Х. 448), князь Яковлеву полку (Х. 444), а у меня с их князь Семеновым и с князь Андреевым стряпчими великая брань была (Х. 462)⁴⁵. Раздельное написание этих сложных единств может быть объяснено просто: личные имена в силу специфической семантики легко вычлениваются из контекста.

Слова муж. рода с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ушко-* типа *Аввакумушко* Д—246об, *Афонасьюшко* Д—254об полу-

³⁹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 299.

⁴⁰ Ср. также современное просторечное «Москва-река» с неизменяемым первым компонентом (С. И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи, стр. 337).

⁴¹ Вероятно, следы подобного образования сложных прилагательных в болгарском языке обнаруживаем в фамилиях типа «Попиванов». Любопытно, что фамилии этого типа «до недавнего времени писали и раздельно: поп Васильев, поп Иванов, поп Николов, а в более отдаленном прошлом и с титулом над «поп» (Ст. Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969, стр. 403).

⁴² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893, ст. 1399.

⁴³ Ср. в московской грамоте XV в.: «по грамоте княже Володимирове», «княжь Володимирове» (В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. — Изв. ОРЯС, т. 24, кн. 22, 1923, стр. 248).

⁴⁴ «Русский язык XVI в. обладал притяжательным прилагательным «княжь», не склоняемым, когда оно предшествовало собственному имени князя (напр., княжь Федорову руку). Такое употребление было параллельно употреблению имени существительного «князь», не склоняемого, когда оно сопровождалось именем лица, с которым оно составляло единство. Притяжательное прилагательное, хотя и отсутствует в наших текстах, отмечается в административном языке до XVII в. Но с XVII в. оно могло быть замещено неизменяемой формой «князь», как показывает переписка Хованских» (F. Cocron. La langue russe..., стр. 126).

⁴⁵ Там же.

чают у Аввакума флексии, по-видимому, I склонения⁴⁶. В «Житии», однако, встретились только одна форма косвенного падежа: *Кирилушом* звали 3—88об, чего для категорического утверждения недостаточно. В современном русском языке слова (как нарицательные существительные, так и имена собственные) с этим суффиксом изменяются либо по II склонению (в большинстве южновеликорусских говоров и в литературном языке), либо по I склонению (в северновеликорусских говорах и части южновеликорусских)⁴⁷. В соответствии с этим они в им. падеже ед. числа имеют оформление на *-ка* или на *-ко* (в южнорусском произношении последняя форма может выступать в виде [ка] или [кь]).

Несколько существительных, по происхождению прилагательных, будут рассмотрены вместе с прилагательными.

Наиболее характерной чертой у прилагательных является жанрово-стилистическая дифференциация русских и церковнославянских форм в ряде падежей.

В им.-вин. падежах ед. числа русские формы прилагательных имеют окончание *-ой*, церковнославянские — *-ый/-ий*. Показательно, что в русской форме они выступают тогда, когда относятся к наименованиям русских географических объектов или людей — лиц, как правило, светских, а в редких случаях и представителей духовенства: в *Брацкой острог* 3—36, Д—214об, *Воротынской*⁴⁸ 3—63об, Д—249, в *Колской острог* 3—24об, Павел *Крутицкой* (митрополит) 3—70, уроженец *мезенской* 3—68об, митрополит *московской* 3—72, *московской* (язык) 3—80, Д—263, *московской* (стрелец) 3—88об, Д—272об, *Нелединской* [патриарший боярин.— В. Ч.] 3—24об, Д—205об, *Юрьевец Поволской* 3—20об, Д—202об; *пустозерской* (язык) 3—80, архиепископ *резанской* 3—87об, Д—271об, папа *римской* 3—111об, в приказ *Сибирской* 3—27об, Д—207об, архиепископ... *сибирской* 3—28, *татарской* бог Д—264об, архима[нд]рит *чудовской* 3—26об, Д—206об, *чудовской* клелар[ь] 3—73, Д—258, на *Шаманской* порог 3—32, Д—211. Церковнославянские же формы связаны с наименованиями представителей духовенства: архиепископ *антиохийский* 3—109об, епископ *киринейский* 3—109об, Гурий, *смоленский* епископ 3—72, Филипп, *соловецкий* игумен 3—72, Д—256об, Варсонофий *тверский* 3—72.

Аналогичное распределение форм обнаруживается и в род. падеже ед. числа муж. рода: князь *Ивана Хованского* 3—64, Д—249 — в русской форме, но Паисей *александрского* патриарха 3—78об, Мелетия *Антиохийского* 3—71об, Д—256, у *газского* митрополита 3—65, Д—249об, Феодора *Едесского* 3—42об, Д—220,

⁴⁶ Согласно нумерации типов склонения, принятой в академической грамматике (Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 134).

⁴⁷ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 102.

⁴⁸ Некоторые из этих прилагательных являются фамилиями, т. е. функционируют как существительные.

протопопа *муромского* 3—26 Д—206об, *палестинского* патриарха Д—261об, *римского* костела 3—113об, *соловецкого* пустынника 3—79об, Д—262об, попа Никиту *суздальского* 3—63, *Темниковского* протопопа 3—24, Д—205, *турского* Магмета 3—71, Д—255об. Прилагательное «*богоявленский*» в одной редакции оформлено по-русски: *богоявленска* монастыря Д—207, в другой — по церковнославянскому образцу: *богоявленскаго* монастыря 3—27.

В род. падеже ед. числа жен. рода среди ономастической лексики в «Житии» встретилось только два прилагательных. Одно является фамилией русской женщины и оформлено русской флексией (древней): у Анны Петровны *Милославские* Д—244об, другое входит в состав названия заграничного монастыря и имеет церковнославянское окончание: *Черныя* горы игумен 3—110.

В им. падеже мн. числа (по одному случаю в разных редакциях и в разных контекстах) встретилось прилагательное «русский». Один раз в новой русской форме, сохранившейся до сих пор: *русские* святые Д—256об (второе слово в этой конструкции, субстантивированное прилагательное, имеет более древнее оформление им. падежа мн. числа на *-ыи*, но не самую древнюю из зафиксированных в письменности форм, которая имела вид «святые»), другой раз в форме, которая производит впечатление церковнославянской и служит созданию соответствующего колорита, но в действительности весьма выразительно характеризует состояние, существовавшее уже в XVII в. — неразличение рода прилагательных во мн. числе *русския* чудотворцы 3—114об (форма «русския» в церковнославянском контексте была бы приемлема только для жен. и ср. рода).

Основную массу притяжательных прилагательных в «Житии» составляют образования от имен собственных посредством суффиксов *-ин-*, *-ов-*.

Характерной особенностью этого разряда прилагательных является сохранение до наших дней элементов именного склонения: формы им. и вин. падежей обоих чисел и всех родов, а также род. и дат. падежей ед. числа муж. и ср. рода совпадают с соответственными формами имен существительных⁴⁹. Они и у Аввакума образуются так же.

Им. падеж ед. числа муж. рода: *афонасьев* дощеник 3—49об. Д—228, *лаврентиев* [корабль] 3—15об, Д—198об, *лукин* [корабль] 3—15об, Д—198об; жен. рода: жена ... *афонасьева* 3—41об, Д—218, боярыня *васильева* Д—200об, *василиева* речь Д—269об; ср. рода: *адамово* падение 3—110; род. падеж ед. числа: до *Андроньева* монастыря 3—24об, Д—205об, *афонасьева* дощеника Д—229об, до *Байкалова* моря 3—54, Д—234об, ис *Пафнутьева* монастыря 3—70об, Д—255, с *Симеонова* дни 3—59, Д—224, до *Петрова* дни Д—243, после *феодорова* удушения 3—70, до *Филиппова* посту 3—36 (до Филиппова поста Д—214об); дат. падеж ед. числа: по *епифаниеву* повелению Д—269об; вин. падеж ед. числа

⁴⁹ Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология, стр. 322.

муж. рода: в *Никитин* день 3—27, Д—207об, в *Пафнутиев* (в *Пафнутьев*) монастырь 3—61об, 63об, 64об, Д—246об, 249об, в *Петров* день 3—92об, Д—277; жен. рода: *василиеву* речь 3—86, Д—278, ересь *никонову* Д—210; ср. рода: тело *фармосово* 3—112.

В «Житии» встретились также формы предл. падежа, образованные по именному типу. Муж. род: в *Пафнутьеве* (монастыре) 3—62, Д—247, в *Симанове* монастыре 3—24об, Д—205; жен. род: в *кирилове* книге 3—109об, в *Савине* слободке 3—74; ср. род: на *Байкалове* море 3—37об, Д—215об, в житие *мелетиеве* 3—109об, на *Пафнутьеве* подворье 3—64.

Трудно сказать, существовала ли в ту пору местоименная форма предл. падежа ед. числа. В литературе никаких конкретных высказываний на этот счет обнаружить не удалось, примеры же все содержат именные формы. В «Житии» имеются формы предл. падежа с флексией *-ом* прилагательных, производных от собственных имен, но с суффиксом и значением относительных прилагательных (которые, как известно, очень рано утвердились в членной форме): в *Никольском* же монастыре 3—64об, на *Ондреевском* подворье 3—74об.

Но в твор. падеже ед. числа числа в XVII в. известна только местоименная форма даже у субстантивированных прилагательных — наименований населенных пунктов (не городов): под *Лысковым* 3—87, под *Мурашкиным* 3—87. Такое состояние возникло задолго до XVII в. Так, А. А. Шахматов приводит ряд примеров твор. падежа на *-ым* из памятников XIV—XV вв., в том числе топоним «Попковым» (из грамоты конца XV — начала XVI в.)⁵⁰. Ф. И. Буслаев называет тоже только форму на *-ым* для имен собственных (топонимов)⁵¹. Но к концу XIX — началу XX вв. установилась новая норма — окончание *-ым* сохраняют только русские фамилии, а наименования населенных пунктов образуют форму твор. падежа ед. числа с флексией *-ом*: под *Бородином*, за *Тарутином*⁵², хотя колебание в живой речи наблюдается еще и теперь.

В вин. падеже мн. числа ср. рода тоже употреблена именная форма (поэтому и различается род): послания *павлова* 3—82об, Д—266об.

Притяжательные прилагательные на *-ов(а)*, *-ин(а)* давно уже стали функционировать в роли фамилий, т. е. обратились в имена существительные. Мужские фамилии в ед. числе и склоняются так, как существительные, кроме твор. падежа, где имеют местоименную форму: *Пашков* 3—33, Д—212, после *Пашкова* Д—231об, *Пашкову* 3—101об, Д—233, с ... *Лобковым* 3—74об, при *Пашкове* Д—231об и т. п. — так же, как и в современном языке. Женские

⁵⁰ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 299.

⁵¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 234—235.

⁵² В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2, стр. 185; К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М., 1957, стр. 25.

фамилии (в «Житии» они редки), по-видимому, тоже склоняются по именному типу: у Федосьи ...*Морозовы* Д—244об, к Федос[ь]е *Морозове* З—61, Федосью *Морозову* З—64, Д—249. В настоящее время женские фамилии только в им. и вин. падежах ед. числа имеют именные формы, а в род., дат., твор. и предл. падежах формы полных прилагательных.

Один раз употреблено в «Житии» притяжательное прилагательное, образованное с суффиксом -j- от имени собственного: рода *авраамля* (род. падеж) З—34об, т. е. способом, который уже много веков не используется для производства прилагательных от антропонимов. Эта форма, внесенная из церковных книг, способствует приданию церковнославянского колорита отрывку, в котором употреблена, хотя в древности таким способом притяжательные прилагательные образовались и в русском языке, ср. субстантивированное *Ярославль*.

Обращает на себя внимание двойственная система предложно-именных конструкций на основе наименований населенных пунктов в зависимости от глаголов движения и пребывания.

Так, при обозначении конечной цели движения образуются конструкции с предлогами «в» или «на»: *в Астрахань* З—24, *в Брацкой острог* З—36, Д—214об, *в Енисейск* З—31об (*в Енисейской Д—210об*), *в Казан[ь]* З—18об, Д—200об, *в Колской острог* З—24, Д—205, *в Пустозерье* З—76, Д—259об и др., *в Савину слободку* Д—258об, *в Тоболеск* З—56, Д—238 и др., *в Юрьевец Поволской* З—20об, Д—202об, *но на Верхотурье* Д—238, *на Вологду* З—24об, Д—205, *на Кострому* З—21, Д—203, *на Мезень* З—61, Д—246 и др. При обозначении исходного пункта движения — с предлогами «из» или «с»: *из Енисейска* З—31об, Д—211, *ис Пустозерья* З—76об, Д—259об, *ис Тобольска* З—30, Д—210 и др., *но с Мезени* З—69, Д—261об. При обозначении места пребывания — с предлогами «в» или «на»: *во Афинех* З—5об (*во Афинах* Д—191), *в Енисейске* З—55об, Д—237, *во Ерихоне* Д—232, *во Еросалиме* З—115, Д—285, *в Пустозерье* З—78, Д—261об, *в Савине слободке* З—74, *в Тобольске* З—55об, Д—237 и др., *в Юрьевце* З—21об, Д—203, *но на Лопатищах* З—87 (дважды), Д—271, *на Мезени* Д—218об и др., *на Мезене* З—61об, *на Резани* З—67, Д—252. Достаточно четко вырисовываются две системы управления: супересивная, в которой род. падеж вводится предлогом «с», вин. — «на», предл. — «на», и инессивная, в которой род. падеж вводится предлогом «из», вин. — «в», предл. — «в». Первая система обычна в тех случаях, когда наименование населенного пункта омонимично названию реки и этимологически восходит к нему, вторая употребляется, как правило, при названиях населенных пунктов, не соотносительных с названиями рек. Однако есть и исключения: вин. — *на Верхотурье* Д—238, предл. — *на Резани* З—67, Д—252 — имена городов не омонимичны названиям рек, однако образуют конструкцию с предлогом «на».

Интересно, что на основе топонима «Москва» (в двух редак-

циях употреблен в разных формах 61 раз) образуются конструкции обоих рядов. Суперессивный ряд: *с Москвы* 3—29 (и еще 10 раз), *на Москву* Д—226 (и еще 14 раз), кроме того, дат. падеж с предлогом «к» — конструкция, синонимичная конструкции «на Москву», «в Москву»⁵³: *к Москве* Д—202 (и еще 20 раз). Инессивный ряд: *в Москву* Д—247 (и еще 6 раз), *в Москве* 3—64, 114. Надо полагать, что в отношении слова «Москва» это колебание отражает языковую ситуацию в XVII в., когда в речи одного лица конструкции первого и второго типа существовали в качестве синонимичных. В современном русском литературном языке дуализм конструкций сохраняется, но каждый топоним допускается только в конструкциях одного из рядов, закрепленного традицией: *с Кавказа, Пресни, Арбата; на Кавказ, Пресню, Арбат; на Кавказе, Пресне, Арбате и из Крыма, Сокольников; в Крым, Сокольники; в Крыму, Сокольниках*⁵⁴. В диалектах и просторечии до сих пор сохраняется колебание.

§ 3.

Ономастическая лексика дает интересный материал и для наблюдений над фонетикой.

Ударение. В «Житии» Аввакума подавляющее большинство слов помечено диакритиками: оксией (акутом) и варией (грависом). Так как нередко над одними и теми же формами одних и тех же слов стоят в разных употреблениях то оксия (ср. что Д—238об, и т. п.), то вария (ср. что Д—238об), можно полагать, что фонетическое значение этих диакритик идентично. Поскольку они обычно поставлены над теми слогами, которые и в современном русском языке оказываются ударными, постольку ясно, что обе диакритики являются знаками ударения.

Своеобразен в обозначении ударения в «Житии» факт постановки двух знаков над некоторыми словами, в том числе и над именами собственными: *Авва́кумъ* Д—270об, *афона́сьева́* (род. ед. муж.) Д—229об, *Богда́новичъ* Д—238, *Костро́(м)ско́му* Д—204об, на *Лопати́щахъ* 3—83, на *Мезе́ни* Д—235об, *Му́ро(м)скаго́* Д—206об, с *Не(р)чи́* реки Д—222об. Три из этих слов написаны с переносом в следующую строку: *Авва́|ку́мъ*, *Костро́(м)|ско́му*, *Му́ро(м)|скаго́*, и постановка двух знаков ударения может быть объяснена, по-видимому, тем, что Аввакум, сопровождая письмо произношением (для обозначения ударения надо слышать слово), акцентуировал оба фрагмента слова. В других случаях (особенно с двусложным словом «с Не(р)чи́») объяснение найти трудно. Иногда это может быть отражением языкового или индивидуального колебания, а иногда и результатом описки.

⁵³ Ср. у Аввакума в одном и том же контексте разных редакций: *к Москве* 3-62 и *в Москву* Д-247.

⁵⁴ Грамматика русского языка, т. 1, стр. 658.

Наибольший интерес имеет ударение в антропонимике. С точки зрения совпадения или несовпадения ударения с современным все антропонимы «Жития» можно разделить на три группы.

1. Место ударения совпадает с современным⁵⁵.

Мужские имена.

Им. падеж I склонения: *Авраамъ* Д—254об, *Алексѣй* Д—233об, *Афонасей* 3—41об, 69, Д—219, *Архсѣнъ* Д—266, *Антонъ* Д—208об, *Борис* Д—205об, *Варсонѣй* 3—72, 114об, Д—256об, *Василей* Д—200об, *Василій* Д—194, *Герасим* 3—84об, *Герасимъ* Д—268об, *Григорій* Д—194, *Григорей* 3—51, Д—229об, *Гурий* 3—114об, Д—256об, *Дионисій* 3—8, Д—193, *Евфимей* 3—19, 20, 73, 83об, 84, 84об, 85, Д—201, 202, 258, 267об, 268, 269, *Епифаній* Д—241об, *Еремѣй* 3—49, 51об, Д—228об, 229об, 230, 230об, *Еремѣй* 3—52, *Ефрѣмъ* 3—113, *Иванъ* 3—17, 37об, 39, 72об, 75об, 78, 111об, Д—199об, 208, 208об, 215, 238, 246об, 249, 257, 261об, *Ипполитъ* 3—113, *Исавъ* 3—34об, *Ларионъ* Д—252, *Марко* Д—197, *Матфѣй* Д—209, *Митрофанъ* Д—209, *Никодимъ* 3—64об, *Никонъ* 3—7об, 21об, 23, 24, 71об, 110, Д—203, 247, 266, *Никон* 3—62, Д—192об, 204, 204об, 205, 256, *Павелъ* 3—61, 70, 73, Д—254об (дважды), 257, 285, *Проконей* 3—17, 103, Д—200, 246об, *Саватѣй* Д—207об, *Стефанъ* 3—21об, 112 (дважды), Д—203об, 267об, *Феодоритъ* 3—109об, *Ферарапонтъ* (т. е. Ферапонт) Д—206об, *Филиппъ* 3—72, 114об, Д—233об, 256об.

Им. падеж II склонения: *Варнава* 3—115, Д—285, *Козма* 3—84об, Д—224, 268об, *Лука* 3—70, Д—260об.

Род. и вин. падежи I склонения: *Антѡна* 3—28, Д—208об, *Антѡния* 3—28, Д—208, *Василия* 3—85об, 94об, Д—194, 231об, 269, 278об, за *Елизара* 3—96об, Д—281об, *Епифанія* 3—73об, 79об, 85, Д—258, 262об, *Еремѣя* Д—226, 229об, *Ефрѣма* 3—83об, Д—267об, *Ефросина* 3—10, Д—194об, *Ивана* 3—46об, 64, 76, 77, 103, Д—225, 249, 261, *Иванна* 3—23, 24, Д—205, *Исава* 3—34об, *Исуса* Д—232, *Кирила* 3—89, у *Лариона* 3—67, *Лѡгина* 3—26, Д—206об, 207, *Матфея* Д—200об, у ... *Никодима* 3—65об, Д—250, *Никона* 3—22, 26об, 30, 71об, 75об, 100, 112об, Д—203об, 207, 245, 255об, *Павла* 3—29, 53, Д—209, 282об, *Петра* 3—109об, Д—249об, 256, *Проконья* 3—18, 76, 77, Д—261, *Стефана* 3—19об, Д—201об, *Феодорита* 3—71об, Д—256, *Филиппа* 3—83об, 91об (дважды), Д—203об, 267об, 276.

Род. падеж II склонения: у *Орѣфы* 3—47, Д—225об.

Дат. падеж I склонения: по *Афонасию* 3—12об, по *Афанасию* Д—196об, *Василию* 3—10, Д—194об, *Денису* 3—72об, к ... *Евфимию* 3—19об, Д—201об, *Иванну* 3—22об, Д—200, 204, *Никону* 3—24, 27, 73об, 113, Д—204об, 207 (дважды), 261об, *Павлу* 3—23об, Д—204об, *Петру* 3—29об (дважды), Д—209об (дважды) *Стефану* Д—200, 203, к *Тимофѣю* Д—191.

⁵⁵ В качестве основного источника при определении места ударения в современном русском языке (особенно в случаях колебаний) использовалась книга Н. А. Петровского «Словарь русских личных имен». (М., 1966).

Вин. падеж II склонения: *Иса́ию* Д—264, *Луку́* Д—206об, *Никíту* З—63.

Твор. падеж I склонения: *Афонáсьем(ъ)* З—101об, Д—209, *Анто́номъ* З—28об, Д—208об, со *Евфíмием* З—85, Д—269, с *Блáномъ* З—97, с ... *Корнѝлием(ъ)* З—22, Д—203об, пред *Нѝко́ном(ъ)* З—62, Д—247, с ... *Прокóпьем* З—97, с *Фармóсом* З—112об, *Филѝппом(ъ)* З—90, 90об, Д—201об, 274, 274об.

Твор. падеж II склонения: з *Захáриєю* Д—201об, с *Козмóю* Д—246об, с *Луко́ю* Д—253.

Предл. падеж I склонения: о *Варáцѣ* (с передачей церковно-славянского чередования к/ц) З—107, о *Елизáрѣ* З—94об, Д—279, при ... *Ива́нѣ* З—72, Д—256, при ... *Ива́не* З—114, Д—256об, при *Исýѣ* Д—193, о *Стефа́не* З—22, Д—203об.

Женские имена.

Им. падеж II склонения: *Ага́фья* З—97, *Агренѣ́на* З—106об, *Девóра* З—107, *Евдокѣ́я* Д—218, 224об, *Ири́на* З—106, *Ксе́нья* З—37, Д—215, *Ма́рья* Д—219об, *Ма́рфа* Д—196об, *Неони́ла* З—19об, Д—201об, *Огрофе́на* (=Аграфена, Агриппина) З—39, Д—218об, *Со́фья* З—42, Д—219, *Фе́кла* Д—218.

Им. падеж III склонения: *Есви́рь* (=Эсфирь) З—107, *Июдѝфъ* З—107.

Род. падеж II склонения: у *Федóсьи* Д—244об.

Дат. падеж II склонения: к *Федóсье* З—62.

Вин. падеж II склонения: *Евдокѣ́ю* Д—249, *Ксе́нью* Д—233, *Федóс[ъ]* Д—249.

Твор. падеж II склонения: *Офи́мьей* Д—278, с *Фети́н[ъ]ей* З—91, Д—274об, 275об.

2. Место ударения всегда отличается от современного.

В «Житии» это прежде всего имя его автора.

Им. падеж: *Авва́кумъ* З—12об, 33об, 70об, 71, 86об, 87, 107об, Д—212об, 260об, 270об (дважды); род.: *Авва́кума* З—96, Д—281; дат.: *Авва́куму* З—87; вин.: *Авва́кума* З—7об, 19, Д—192об, 201; зват. *Авва́кум* З—105. По словам Б. А. Успенского⁵⁶, в велико-русской дониконовской церковной литературе и даже в служебниках 1655—1658 гг. (т. е. вышедших при Никоне) это имя имело только такое ударение. С новым (современным) ударением оно впервые встречается в месяцеслове 1659 г. и в проверенном Собором 1667 г. служебнике, напечатанном в 1670 г. Изменение было, по-видимому, обусловлено ориентацией в отношении ударения на греческий язык (*Ἀβραάμου*) и поддержано тем, что на юго-западе это имя бытовало с ударением на последнем слоге основы. Естественно, что старообрядец Аввакум придерживался старинного звучания слова. В написании с двумя акцентами не следует видеть отражение колебания в речи писателя, его надо выводить из специфики произношения при переносе части слова в другую строку (*Авва́кумъ* Д—270об).

⁵⁶ Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен, стр. 140—141.

О имени «Мария» см. прим. 5.

Мелетій Д—256, *Мелетія* З—71, Д—256, *Паисея* (род. падеж муж. рода) Д—261об. У имен на -ий в XVI—XVII вв. обычным было ударение на конечном слоге основы. Передвижка его на предыдущий слог происходила неодновременно у всей группы таких имен. Напр., *Мелетий* было узаконено в качестве канонической формы только в 1695 г.⁵⁷ Поэтому в «Житии» и обнаруживаются формы с традиционным для того времени ударением.

Соломан(ъ) З—82об, Д—263об. В великорусской дониконовской традиции это имя существовало именно с таким ударением (напр., в хорошо известной Аввакуму книге «Маргарит» московского издания). Ударением на последнем слоге имя *Соломон* обладало в юго-западной традиции, под влиянием которой и установилась современная русская форма⁵⁸.

3. Место ударения в одних употреблении совпадает с современным, в других отличается от него. В «Житии» разная акцентуация наблюдается в разных контекстах одного и того же автографа или в одном и том же контексте разных редакций.

Анастасия З—13об, *Анастасія* Д—197. По Б. А. Успенскому⁵⁹, в первом случае ударение помечено в соответствии со старой канонической формой этого имени (отголоском ее является современное разговорное *Настасья*⁶⁰). Новая форма *Анастасія* была вполне приемлемой, так как она появилась еще в дониконовские времена (хотя и в XVII в.). Факультативность употребления старой и новой формы в языке привела к неустойчивости и в речи индивида.

Даниїла З—24, Д—205, *Данїила* Д—203, *Данїилу* З—23об. Колебание было свойственно не только речи Аввакума. Хотя в московских месяцесловах XVII в. обычно дается *Даниїл*, встречается все же (особенно в книгах, напечатанных при Иосифе—предшественнике Никона на патриаршем престоле) и форма *Данїїл*⁶¹.

В дониконовских книгах имена на «Фео-» (в том числе и *Феодор*) имеют ударение на втором слоге (от начала слова). В юго-западной традиции ударение у таких имен (кроме *Феодор*) падало на конечный слог⁶². Однако антропоним *Феодор* у великоруссов, по-видимому, мог когда-то иметь ударение на конце. На это указывает женское имя *Федбра*. Следовательно, форма *Феодѡръ* З—67, хотя и единственная среди 10 акцентуированных, не может считаться случайной.

От *Лазаря* З—77, от *Лазаря* Д—260. Исходя из греч. *Λάζαρος*, ударение должно быть на первом слоге. Ударение, отмеченное в автографе Заволоко, вероятно, появилось под влиянием слов на -арь.

⁵⁷ Там же, стр. 62—63.

⁵⁸ Там же, стр. 112—113.

⁵⁹ Там же, стр. 53—54.

⁶⁰ Аввакум знал и такую форму этого имени. Ср. Настас[ъ]я З-91, Д-275об.

⁶¹ Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен, стр. 80.

⁶² Там же, стр. 132—133.

Перенос ударения является дополнительным доводом в пользу гипотезы Мейе и Бернекера о причине мягкости конечного согласного в этом имени⁶³.

Таким образом, акцентуация имен собственных в «Житии», отличающаяся от современной, обусловлена не случайными причинами и не может рассматриваться как отклонение от нормы, а отражает, без сомнения, сознательный отбор Аввакумом форм, употреблявшихся в старых дониконовских книгах. Примечательно, что и у современных старообрядцев рассмотренные имена бытуют с такими ударениями.

При словоизменении, как показывает собранный материал, у подавляющего большинства имен собственных ударение является неподвижным. Здесь можно выделить две акцентные парадигмы. Во-первых, парадигму с постоянным ударением на основе, во-вторых, парадигму с постоянным ударением на флексии. Первая свойственна именам, изменяющимся по I (парадигма Ia) и II (парадигма Ib) склонениям, вторая — только тем, которые входят во II склонение (парадигма II).

Парадигма Ia	Парадигма Ib	Парадигма II
И. <i>Ива́нъ</i>	И. <i>Варна́ва</i>	И. <i>Козма́</i>
Р. <i>Ива́на</i>	Р. <i>Оре́фы</i>	Р. —
Д. <i>Ива́нну</i>	Д. <i>Федо́сье</i>	И. —
В. <i>Ива́на</i>	В. <i>Никíту</i>	В. <i>Луку́</i>
Т. <i>Ива́номъ</i>	Т. <i>Заха́рию</i>	Т. <i>Козмо́ю</i>
П. о <i>Стефа́не</i>	П. —	П. —

Значительно малочисленнее группа имен собственных, имеющих подвижное ударение при словоизменении. Из имен неславянского происхождения в «Житии» находим только два: *Петръ* и *Дамаскинъ*.

Парадигма с подвижным ударением

И. *Пётръ* 3—13, 29, 78, 109об, 114, Д—196об, 209об, 233об, 246, 261, *Дамаскинъ* 3—109об, 112об.

Р. *Петра́* 3—71об, 109об, Д—256; *Дамаскина́* 3—71об, 109об, Д—256.

Д. *Петру́* 3—29об (дважды), Д—209об (дважды):

В. *Петра́* Д—249об.

Акцентологические свойства имен собственных настолько стабильны, что место ударения с учетом характера акцентной парадигмы сохраняется даже при словообразовании. Ср. *Авваку́м* — *Аввакумушко́* Д—246об; *Афона́сей* — *Афона́сьюшко* Д—254об, *афона́сьев(ъ)* 3—49об, Д—228; *Васи́лей* — *васи́л(ъ)ева* Д—200об; *Елизáр* — *Елизáровъ* 3—59; *Епифáний* — по *епифáниеву* Д—269об; *Кири́л* — *Кири́лушко* Д—272об (*Кири́лушком* 3—88об) — *Кири́ловна* 3—41, 46, Д—218, 224об; *Лука́* — *луки́нъ* Д—198об; *Ма́р-*

⁶³ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, стр. 449.

ко — *Мáрковна* 3—45об, Д—233; *Никѣта* — *Никѣтин* 3—27, Д—207об; *Нѣкон* — *нѣконову* Д—210; *Пáвел* — *пáвлова* 3—82об, Д—266об; *Пѣтр*, *Петра́* — *Петрѣвич* 3—18об, 45об, Д—200об, 223об, 236об, 237 — *Петрѣвны* Д—244об — *Петрѣвъ* день Д—277; *Прокѣней* — *Прокѣпьевна* Д—244об; *Стефа́н* — *Стефа́нович* Д—201; *Фармо́с* — *фармо́сово* 3—112; *Фили́пп* — *фили́пова* Д—214об.

В ономастике отразились и некоторые другие живые фонетические процессы русского языка XVII в.

Одним из таких процессов было **аканье** — неразличение в безударных слогах гласных широкого образования. В части имен собственных в «Житии» обнаруживается написание букв, не соответствующих этимологическим звукам. При этом надо учитывать, что несоответствия встречаются двух типов: во-первых, когда аканье имеет прямое отражение (напр., написание буквы *а* на месте этимологического звука [о]), во-вторых, когда аканье отражается негативно — пишется буква, передающая в других словах этимологический звук, изменившийся в данном слове в соответствии с законом аканья (напр., написание *о* на месте этимологического [а]). Иными словами, во втором случае отражение аканья проявляется в гиперкорректной орфографии.

Кроме того, надо иметь в виду, что в силу этимологического характера современного правописания большинства слов всякое отличие орфографии старинных памятников письменности от современной произвольно воспринимается как отклонение от этимологии. Между тем дело обстоит не всегда так. Поэтому весь материал, производящий впечатление отражающего аканье, нуждается в критической оценке.

Рассмотрим слова, в которых аканье, по-видимому, находит прямое отражение: в *Сѣманове* [монастыре] Д—205, *Внифа́нтьевѣицѣ* 3—85об, *Вънифа́нтьевѣиц* Д—267об, на *Реза́ни* 3—68, Д—252, *реза́нской* 3—87об, *ри́мляня* 3—71, *татарова* 3—72об.

Сомнение в фонетической причине появления *а* в прилагательном «сѣманов» было высказано П. Я. Черных, который полагал, что «в слове «Сѣман» — *а* возникло, вероятно, под влиянием собственных имен на *-ан*: Иван, Степан, Адриан»⁶⁴. Однако это соображение малоубедительно, так как в приведенных именах ударенным является конечный слог, а в *Сѣман* — первый. И все же прямым отражением аканья это слово не является. Просто оно входит в другую систему собственных имен (в дониконовской традиции с ударением на втором от конца слоге), таких как *Са́ламан*, *Соло́мон*⁶⁵, *Три́фан*, *Три́фон*⁶⁶, *Сте́фан*⁶⁷, у которых глас-

⁶⁴ П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. I. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник северновеликорусской речи XVII столетия, ч. 1. Иркутск, 1927, стр. 10(58).

⁶⁵ Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен, стр. 112.

⁶⁶ Там же, стр. 111.

⁶⁷ Там же, стр. 167.

ный [а], по мнению А. И. Соболевского, представляет собой субституцию греко-византийского [о] славянским [а] ⁶⁸.

Слова «Резань», «резанской», как утверждает В. Н. Сидоров, не следует рассматривать в качестве отражающих неразличение безударных гласных, «потому что этимологически это слово имело в предударном слоге, по всей вероятности, гласную е, а не 'а, довольно поздно заменившую е на почве рязанских якающих говоров» ⁶⁹. Как видно, В. Н. Сидоров исходит из очень распространенной, хотя и не единственной, точки зрения на этимологию этого топонима ⁷⁰. Но фонетическое обоснование им современной формы «Резань» неубедительно, так как во всех типах яканья, известных в рязанских говорах, перед [а] ударного слова гласные верхнего подъема звучат как ['а] ⁷¹. Напр., Е. Ф. Будде, считая этимологическим [е], отметил в Рязанской губернии произношение «в Рязани» ⁷², «на Рязани» ⁷³, однако из анализируемого им материала вытекает ⁷⁴, что перед слогом с ударенным [а] этимологический ['а] сохраняется. Отсюда получается, что в слове «Рязань» этимологическим может быть и ['а]. Форма «Рязань» неоднократно встречается (5 раз) в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку ⁷⁵, т. е. не позднее последней четверти XIV в., и написанном, как известно, в Суздале, который расположен на территории окаймляющей еще и в настоящее время говора.

Формы типа *римляня*, *татаровя*, по суждению П. С. Кузнецова, хотя и не категорическому, могли возникнуть в северновеликорусских говорах морфологическим путем под воздействием собирательных существительных типа *братия* ⁷⁶. Но в «Житии» эти формы, конечно, не морфологического генезиса. К такому заключению приводят, во-первых, наличие форм этого типа в памятниках несевернорусского происхождения: *крестьяня* ⁷⁷, *дворяня* ⁷⁸, *бояря* ⁷⁹ и т. п.,

⁶⁸ А. И. Соболевский. Греко-славянские этюды.— «Русский филологический вестник», 1883, № 1, стр. 5.

⁶⁹ В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 48.

⁷⁰ Б. А. Ларин считает форму «Резань» примером перехода [а] > [е] в безударном положении в холмогорском диалекте XVII в. См.: Б. А. Ларин. Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618—1619). Л., 1959, стр. 39.

⁷¹ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, стр. 58—60.

⁷² Е. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896, стр. 52.

⁷³ Там же, стр. 53.

⁷⁴ Там же, стр. 59—60.

⁷⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е, учебное. Л., 1926, стр. 223, 231, 232.

⁷⁶ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 54.

⁷⁷ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года, стр. 269.

⁷⁸ Там же, стр. 270.

⁷⁹ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симоны, вып. 1. СПб., 1899, пословица 265 (первого сборника).

во-вторых, случаи колебания между формами на -я и на -е у Аввакума, ср. *римляне* 3—112об, Д—255, *христиане* 3—4об, Д—190об и др., в-третьих, употребление буквы я в форме, образованной с окончанием иного типа (из *-й основ): *татаровя* 3—71об.

Таким образом, можно считать, что в «Житии» слова «Резань», «резаньской», «римляне», «татаровя» отражают аканье. Еще более убедительно свидетельствует об отражении аканья Аввакумом в его сочинении слово «Внифантьевич» («Вънифантьевич»). Пропуск гласной буквы в отчестве царского духовника Стефана Вонифатьевича указывает на полную редукцию гласного [о] во втором предударном слоге. Если допустить, что Аввакум, не владея сам акающим произношением, передал на письме особенность устной речи носителей аканья, то остается неясным, почему он уловил начальное [в], оказавшееся перед согласным после выпадения [ъ] < [о]. Дело в том, что редукция звуков имеет две ступени: редукцию на акустическом уровне (для слушающего) и редукцию на артикуляторном уровне (для говорящего)⁸⁰. Редукцию акустического уровня передают на письме лица и не владеющие данной произносительной системой (пишут как слышали), тогда как редукция артикуляторная может быть передана только носителями данной системы. Поскольку есть все основания полагать, что в московском акающем говоре и в XVII в. действовали основные законы редукции согласных, существующие в настоящее время, постольку надо допустить и выпадение звука [в] или значительное ослабление его, не позволяющее уловить его в потоке речи⁸¹ лицу, для которого московская произносительная система была чуждой. Если бы Аввакум не владел московскими нормами произношения, он услышал бы не [вн'ифан'т'јѣв'ич], а [н'ифан'т'јѣв'ич] и написал бы «Нифантьевич», а такая форма имени и (отчества) известна в разговорной речи⁸².

Словами, в которых аканье «нашло» негативное отражение, вероятно, могут считаться следующие: *Агрепѣна* 3—106об, *Огрофѣна* 3—39, Д—218об, 242, *Афонáсей* (с буквой о 15 форм в обоих автографах, с буквой а 3 формы), *Васі́лей* 3—18об, Д—200об, *Григóрей* 3—51, Д—229об, *Демѣ́тей* 3—62об, 74, 74об, Д—259, *Евфѣ́мей* 3—19 (и еще 6 раз), Д—201 (и еще 6 раз); на *Ондрѣ́евское* подворье 3—74, на *Ондрѣ́евском* подворье 3—74об, у *Орѣ́фы* 3—47, Д—225об, *Лáзоря* Д—258.

⁸⁰ Русская разговорная речь. М., 1973, стр. 91.

⁸¹ Примеры выпадения [в] перед сонорными [с'ирано], [с'ѣрано] 'все равно', [с'ор'ем'а] 'все время'. (Русская разговорная речь, стр. 93).

⁸² Однако сомнительно, чтобы «Нифантий» было, как считает Б. А. Успенский (в кн.: Из истории русских канонических имен, стр. 123 и 238), гиперкорректной формой имени Нифонт или Нифонт, потому что в этом случае должно получиться Нифонтий или Нифантий (другое место ударения) или же Нифóнтий (под ударением гласный иного качества). Гиперкоррекция коснулась другого момента: произошла вставка [н] по образцу Клементий, Терентий, Леонтий и др. Такая вставка известна и в других именах: Дементий (от лат. Dometius), Мелентий (ср. Мелетий).

Правда, надо заметить, что в словах иноязычного происхождения звуки [а] или [а] безударные замещались на славянской почве звуком [о] еще до появления письменности. У русских в таких словах с самого начала пишется, как правило, *о*. Затем позднее, по-видимому, под влиянием орфографии в языках-источниках и аканья буква *а* в безударном положении начинает употребляться все чаще. Под ударением звук [о] сохранился до сих пор (напр., *Афоня*). Есть случаи сохранения буквы *о* и в безударном положении (напр., *Мáмонт* — собственное имя). Сохранение звука [о] в ударном положении и переход безударного [о] в [а], очевидно, свидетельствует в пользу того, что процессы эти прошли под влиянием аканья, и современная орфография таких слов отражает его (так же, как в словах *стакан, калач, крапива, паром* и т. п.). Таким образом, в первые века существования письменности написания с *а* не были связаны с живыми фонетическими процессами русского языка, а были обусловлены орфографией в языках-источниках. Позднее с развитием аканья иноязычная основа правописания с *а* была подкреплена действием фонетического закона аканья. Косвенным свидетельством этого является то, что в украинском языке, не знающем аканья, в большинстве заимствованных слов до сих пор сохраняется произношение (и написание) [о] на месте иноязычного [а] в безударной позиции. О связи изменения произношения заимствованных слов с аканьем говорит также тот факт, что некоторые имена (напр., *Анисим* < *Онисим* < <’Ονησίμος⁸³, *Анцифер* < *Онисифор* < <’Ονησίφορος⁸⁴), имевшие в греческом языке звук [о], очень рано начинают писаться с буквой *а*. Наконец, на связь письма через *о* с аканьем указывают колебания в «Житии»: корень имени *Афанасий* в разных формах и в производных словах имеет *о* 16 раз, но и *а* 3 раза, имя *Лазарь* в одном употреблении имеет *о*, а в семи — *а*, а также случаи вытеснения форм с *а* формами с *о* в автографе Заволоко по сравнению с дружининским автографом: *Афанасий Великий* Д—195, по *Афанасию* Д—196об, но *Афонасий Великий* З—10об, по *Афонасию* З—12; на *Андрѣвском* подворье Д—258об, но на *Ондрѣвскомъ* подворье З—74об, на *Ондрѣвское* подворье З—74. Надо полагать, что у Аввакума не было четких представлений о правописании имен греко-латинского происхождения. В старых книгах они писались тоже то с *о*, то с *а*, и протопопу, не знавшему греческого языка, трудно было разобраться в их орфографии.

Несколько сложнее обстоит дело с заменой буквы *и* буквой *е*. Так, в ауслаутах имен на *-ий* написание буквы *е* явилось итогом не столько неразличения безударных [и] и [е], сколько русского рефлектирования окончаний имен, заимствованных из греческого языка при несомненном посредстве старославянского. При этом надо иметь в виду разный характер греческих прототипов. Так,

⁸³ Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен, стр. 181.

⁸⁴ Там же, стр. 130.

слово *Василей* именно с [е] и должно было появиться у славян, так как восходит к греч. Βασίλειος, где ε > [е], ι > [ј], ος > [ъ] > [ь], ср. старосл. п̑салѣмъ, греч. ψαλμός⁸⁵, др.-русск. Чурьякъ, греч. Κυριακός⁸⁶, старосл. соударь, греч. συνδариον⁸⁷, хотя буквы ѣ и ъ в конце слова часто пишутся в старославянских рукописях и вне соответствия какому-либо греческому звуку, и возможно, это является чисто графическим приемом, напр., старосл. алектѣрь, греч. ἄλεκτωρ⁸⁸, старосл. потамось, греч. ποταμός⁸⁹). Другие имена, напр., *Григорей* (греч. Γρηγορίος⁹⁰), *Евфимей* (греч. Εὐφύμιος⁹¹) должны были в славянских именах субституироваться по-иному: при заимствовании они получили парантиктический [ј]⁹² между гласными конца слова, т. е. [gr̩g̩gorios] > [gr̩gorij̩ь]. Можно думать, что [i] изменился в [ь], который при прояснении сильных редуцированных перешел в русском языке в [е] (такова, как видно, точка зрения А. И. Соболевского⁹³), а в церковнославянском языке в [и]. Но возможно и другое объяснение. Канонические формы имен мужчин, проникшие на Русь с ауслатом -ий (ср. «Григорий диако(н)» в приписке к Остромирову евангелию), встали в один ряд с теми из русских «мирских» имен, которые по происхождению являлись прилагательными (*Горячий, Бесстужей, Вертячей, Домашней, Нехорошей, Рыжей* и т. п.⁹⁴), выступавших уже с XII—XIII вв. в двух оформлениях — церковнославянском на -ый, -ий и русском на -ой, -ей. В результате обрусения имена типа *Григорий* стали в бытовых условиях произноситься русскими людьми со звуком [е]⁹⁵.

Только в имени *Агрепѣна* написание е может иметь фонетическое толкование как результат неразличения безударных [е] и [и], а точнее более узкой артикуляции предударного [е], чем у [е] подударного. Отмечается также в современном московском просторе-

⁸⁵ А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, стр. 58.

⁸⁶ Там же, стр. 26.

⁸⁷ Там же, стр. 16.

⁸⁸ Там же, стр. 17.

⁸⁹ Там же, стр. 32. Что буква ѣ не обозначает звука, можно заключить, во-первых, по тому, что автору (Экзарху Иоанну) надо было привести это слово в греческом звучании для иллюстрации несовпадения рода у греческих и славянских существительных, во-вторых, по тому, что второй пример ВАТРАХОС греч. ΒΑΤΡΑΧΟΣ написан без ѣ и представляет собой абсолютно точную транслитерацию.

⁹⁰ Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен, стр. 261.

⁹¹ Там же, стр. 240.

⁹² В том, что [ј] не развился из греч. [ι] убеждает сравнение с женскими именами типа Евдокия (греч. Εὐδοκία), в которых [ι], будучи под ударением, не мог на славянской почве подвергнуться редукации.

⁹³ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 61.

⁹⁴ А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — В кн.: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, стр. 108—110.

⁹⁵ У Аввакума некоторые из этих имен встречаются и в каноническом церковнославянском оформлении.

чий полное совпадение гласного [е] в первом предупредительном слоге с [и]⁹⁶. В других памятниках XVII в. это слово встречается и с и: Агрипинъ⁹⁷.

Итак, всего несколько имен собственных в «Житии» допустимо квалифицировать в качестве отражающих аканье. Подавляющее большинство их к тому же позволяет приписать Аввакуму лишь пассивную роль передатчика особенностей акающего произношения, в то время как он им, возможно, и не владел. И только одно слово (Внифантьевичъ) свидетельствует как будто в пользу того, что Аввакум мог быть носителем аканья, хотя из-за ограниченности материала нельзя судить об этом более категорично. Впрочем, в данной статье такая задача и не ставится, так как было бы методически ошибочным пытаться решить ее, учитывая лишь небольшое количество фактов, заключенных в семантически замкнутой группе лексики: необходимо привлечение всех фактов, имеющихся в памятнике. Однако в интересах объяснения особенностей произношения имен собственных рассмотрение общезыковых фонетических явлений представляется все же целесообразным.

XVII в.— время окончательного совпадения в средневеликорусских (в том числе и московском) говорах звука [ѣ] со звуком [е]. Поскольку наукой точно установлено, что совпадение безударных [ѣ] и [е] произошло задолго до XVII в., рассмотрим только позицию под ударением.

В положении перед мягкими согласными наблюдается колебание в употреблении букв ѣ и е в одних и тех же словах: *Еремѣй* 3—49, Д—228об и еще 9 раз — *Еремей* 3—51; *Паисѣя* 3—78об — *Паисея* Д—261об; с *Тимофѣемъ* 3—65об — *Тимофей* 3—74, *Тимофѣю* 3—6, Д—191. Но есть и слова, в которых ѣ и е сохраняют устойчивость: *Евдокѣя* 3—41, 46, Д—244об, *Евдокѣя* Д—218, 224об, *Евдокѣю* 3—65, *Евдокѣю* Д—249; из *Енисѣйска* 3—31об, Д—211, въ *Енисѣйскѣ* 3—31 об, в *Енисѣйской* Д—210об, въ *Енисѣйске* 3—55об, Д—237; *Матфѣй* 3—29, Д—209, *Матфѣя* Д—200об (ср. в московской грамоте конца XVI в. *Матвѣй*⁹⁸). Приведенный материал демонстрирует проявление колебания у Аввакума не только в разных употреблениях в одном автографе, но и в идентичном контексте разных автографов; его наблюдаем и при сопоставлении слов, образованных по одной и той же модели (и в этом случае возникает мысль о лексикализации фонетических особенностей и даже орфографии имен собственных).

Колебание обнаруживается и перед твердыми согласными: *Агрепѣна* 3—106об — *Огрофѣна* 3—39, Д—218об, 242 (в других рукописях, напр., московских грамотах последней трети XVI в.,

⁹⁶ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Изд. 5-е. М., 1972, стр. 66.

⁹⁷ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, пословица 56 (первого сборника).

⁹⁸ Л. [Л.] Васильев. К истории звука ѣ в московском говоре в XVI—XVII вв.— «Изв. ОРЯС», т. 10, кн. 2, 1905, стр. 205.

Огрофѣна, огрофѣнинское)⁹⁹; на *Угрѣшу* 3—63,74 об, Д—247об, на *Угрѣше* 3—8, 63об, Д—193 — на *Угрѣшу* Д—258об. В других именах выдерживается единообразное написание с ѣ или е: *Бекѣтов* 3—29об, *Бекѣтовъ* Д—209об, *Бекѣтову* 3—29об, *Бекѣтову* Д—209об, на *Лѣну* 3—30, 31, 92об, Д—210, 210об, 277; *Ефрѣмъ* 3—113, *Ефрѣма* 3—83об, Д—267об (ср. в грамоте XVII в. *Ефрѣма*¹⁰⁰).

В конце слова употребление букв ѣ и е также оказывается в большинстве случаев неупорядоченным, хотя здесь было легче достигнуть единообразия: [ѣ] в конце слова — флексия дат. падежа II склонения или предл. падежа I и II склонений. Но Аввакум нередко пишет даже стоящие рядом слова с разными буквами: по *Ингодѣ реке* 3—40, по *Ингодѣ рѣкѣ* Д—216об¹⁰¹, по *Хилкѣ по рекѣ* Д—215 об. Отметим также расхождение в разных автографах: на *Оби реке* 3—55об — на *Обѣ рекѣ* Д—237об и постоянство в написании предл. падежа на/в *Москвѣ* во всех 19 употреблениях (по обоим автографам).

В связи с рассмотрением вопроса о ѣ следует сделать замечание о достаточно отчетливо прослеживаемой орфографической дифференциации «беглости» и постоянства гласного в ауслaute мужских имен. Если гласный является «беглым», то пишется е: *Афонасей* (ср. *Афонасю* Д—210об), *Василей* (ср. *васил[ь]ева* Д—200об), *Евфимей* (ср. *Евфимью* 3—93), *Проконей* (ср. *Прокопья* 3—18 и др.), если же он постоянный, то чаще пишется ѣ: *Андрѣй* (ср. *Андрѣвичъ* Д—240), *Еремѣй* (ср. *Еремѣя* 3—48 и др.), *Алексѣй* (ср. *Алексѣемъ*¹⁰²), о *Мардохѣе* 3—107, хотя, как уже отмечалось, иногда пишется и буква е.

Объяснение смещения букв ѣ и е перед мягкими согласными можно видеть в том, что звук [е] между мягкими согласными под ударением стал произноситься более закрыто и совпал в артикуляционном отношении со звуком [ѣ] в такой же позиции. Поэтому у пишущего не было ясности, где какую букву писать, и правописание в значительной мере определялось традицией, а при наличии «беглости» или постоянства гласных в исходах мужских имен также и этими фонетическими явлениями.

В положении же перед твердыми согласными изменение претерпел звук [ѣ]: он стал произноситься более открыто и совпал со звуком [е] средней открытости. Но и сам звук [е] перед твердыми согласными к тому времени, как известно, изменился под ударением в звук [о]. И в результате получилось, что, хотя [ѣ] перешел в [е], совпадения с этимологическим [е] не произошло. Лицу, владеющему московскими (а в конечном итоге и обще-

⁹⁹ Там же, стр. 207.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Интересно, что в слове рѣке (правда, в безударной позиции) Аввакум переправил первоначально написанную букву е в букву ѣ, зная, по-видимому, хотя и не твердо, что в этом корне орфографическим является ѣ.

¹⁰² Русская историческая библиотека, издаваемая постоянной историко-археологической комиссией АН СССР, т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927, стр. 769.

русскими) произносительными нормами, было сравнительно легко ориентироваться в правописании *ѣ* и *е*: где звучит [’о], надо писать *е*, а там, где слышится [’е], надо писать *ѣ*.

Однако в XVII в. грамотные люди были двуязычными (об этом писал Лудольф¹⁰³). В быту они пользовались русским языком, нормы которого в отношении [ѣ] и [е] описаны в предыдущем предложении, а в «ученых» разговорах церковнославянским, нормы которого не допускали перехода [’е] в [’о] и требовали искусственного различия [ѣ] и [е]¹⁰⁴. Следование церковнославянским нормам произношения, взаимодействие между ними и русскими нормами и вносило известную неясность в употребление букв *ѣ* и *е*, результатом чего и явилось смешение их под ударением перед твердыми согласными.

В области **консонатизма** наибольший интерес имеют вопросы, касающиеся **смягчения согласных**.

Обращает на себя внимание мягкость [т] в форме на *Иртѣше* Д—237об, на *Ирѣтѣше* З—55об. Надо полагать, она является в этом гидрониме исконной для русских, так как в нем, имеющем явно тюркское звучание, [и], вероятно, является продуктом сингармонизма. Современное произношение этого слова, верней всего, не обусловлено фонетическим процессом, а возникло в итоге ложной этимологизации конечного сочетания [иш] как суффикса *-ыш*.

Довольно многочисленны в «Житии» случаи передачи мягкости согласных перед [ј]: [н’] — *Ксенья* З—37, Д—215, *Ксенью* Д—233, [п’] — *Прокопья* З—18, 76, 77, Д—261, *Прокопьем* З—97, *Прокопьевна* Д—244об, *Прокопьевны* Д—244об, *Прокопьевну* З—64, [р’] — *Верхотурье* Д—238, *Пустозерье* З—76, *Пустозерья* Д—259об, *Юрьевец(ъ)* З—20об, Д—202об, в *Юрьевце* З—21об, Д—203, [с’] — *Афонасьюшко* Д—254об, *Федосы* Д—244об, [т’] — *Вънифантьевич* Д—267об, *Лаврентьевича* З—77, Д—260об, *Лаврентьевичем* Д—253, *Пафнутьевъ* Д—249об, *Пафнутьева* Д—255, в *Пафнутьеве* Д—247, *Тереньтюшко* З—54, *Тереньтюшко* Д—234об, [’ф] — *Агафья* З—97, Д—282об. Означает ли написание буквы *ѣ* твердость [к] в формах *Лукѣян* Д—244, *Лукѣяна* З—59, сказать трудно. В современном русском литературном языке [к] перед [ј] смягчается¹⁰⁵. В «Житии» же буква *ѣ* не всегда указывает на твердость согласного. Так, форме *Офимѣю* Д—278 в автографе Заволоко соответствует форма с *ѣ*: *Евфимѣю* З—93об, и, таким образом, *ѣ* выступает не как знак твердости согласного, обозначающего предшествующей буквой, а в качестве разделительного знака, причем написание в одном и том же слове то *ѣ*, то *ѣ*, вероятно, свидетельствует о неустоявшемся навыке употребления разде-

¹⁰³ Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 48 и 114.

¹⁰⁴ Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения. (Из истории литургического произношения в России). М., 1968, стр. 24, 29, 87.

¹⁰⁵ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 243.

лительных знаков. Такое колебание в их применении наблюдается и в других рукописях XVII в.¹⁰⁶

В нескольких именах собственных встречается написание буквы *ь* между согласными, после второй из которых стоит также *ь* или буква, обозначающая гласный переднего ряда. Так как в современном русском языке в сочетаниях такого характера оба консонанта являются мягкими, приходим к выводу, что и Аввакум произносил эти сочетания мягко: *Внифантьевичь* З—85об, *Внифантьевич* Д—267об, *Тереньтюшко* Д—234об, *съ Феодором* Д—245. В современном литературном языке звук [н] перед [т'] имеет мягкое произношение даже в словах иноязычного происхождения, заимствованных сравнительно недавно¹⁰⁷. Точно так же и зубной [с] перед мягким губным испытывает смягчение¹⁰⁸, даже если он является предлогом¹⁰⁹.

Рассмотрев в разных аспектах ономастику, употребленную в «Житии» Аввакума, подведем итоги.

1. С точки зрения семантики указанный пласт лексики распадается на два основных разряда: антропонимику и топонимику. Имена людей встретились в большем количестве (184 лексические единицы), чем наименования географических объектов (108 единиц).

2. В отношении структуры принципиальных отличий от современного состояния нет (кроме двух случаев наделения иностранцев патронимами,— образованными по-русски).

3. В характере функционирования ономастики по данным «Жития» также не заметно каких-либо существенных особенностей. Один только момент требует замечаний. В литературе¹¹⁰ настойчиво высказывается положение о том, что отчества с *-вичем* приблизительно с XVI в. стали принадлежностью родовитой знати. Из «Жития» же видно, что простые люди в общении между собой также употребляли такую форму отчеств. Причин этого, по-видимому, две. Во-первых, продолжение традиции, уходящей корнями в те времена, когда суффикс *-ич/-ович* не имел классовой значимости¹¹¹. Во-вторых, стремление широких масс из чувства собственного достоинства, хотя бы в своей среде, как бы приравнять себя к сильным мира сего. Это стремление находило и другие формы вы-

---

¹⁰⁶ И. С. Филиппова. Об употреблении букв *ъ* и *ь* в московских рукописях XVII в.— В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, стр. 138.

¹⁰⁷ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 119.

¹⁰⁸ Там же, стр. 110.

¹⁰⁹ Там же, стр. 112.

¹¹⁰ В. К. Чичагов. Из истории русских имен..., стр. 49; А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий..., стр. 100—101.

¹¹¹ Сильную поддержку ей, вероятно, оказывал способ называния пожилых людей только патронимом.

ражения, напр., в именовании жениха и невесты в народном свадебном обряде князем и княгиней.

4. В области морфологии следует указать, что ономастика в общем-то подчиняется общезыковым законам. Однако выявляется и одна специфическая для нее тенденция — тенденция к преобразованию словосочетаний в сложные слова. Иногда этот процесс полностью закончился (ср. Новгород), иногда он не может завершиться из-за действия противоположной тенденции к вычленению имени собственного из словосочетания (это противоборство привело к тому, что такие сложные слова получили теперь своеобразную орфографию — дефисное написание «Москву-реку», «князь-Ивана»). Характерной особенностью таких сложных слов является отсутствие в их составе соединительных гласных.

5. Ономастика дает материал для наблюдений над фонетическими процессами, однако, являясь сравнительно малочисленным пластом в составе лексики, использованной в том или ином произведении письменной речи, она не может дать полного представления о фонетических явлениях, отраженных в этом произведении. Отдельное рассмотрение ономастики имеет смысл лишь с целью выявления и истолкования фонетических процессов, специфичных для нее.

6. Устойчивость места ударения является, на наш взгляд, характерной фонетической особенностью антропонимики как определенного класса слов. Связано это, очевидно, с тем, что номенклатура личных имен за немногими исключениями является иноязычной. Заимствование произошло в значительной мере книжным путем (вместе со всей церковной литературой были приняты и святцы) и сравнительно поздно. В отношении ударения имена должны были подчиняться законам языка-источника. Но эти законы были чужды русскому языку. Поэтому в русском языке было удобно употреблять имена с постоянным местом ударения, продиктованным акцентуацией в языке-источнике, если ударение там было неподвижным, или определяемым по одной из акцентных форм, если ударение было подвижным. Поскольку церковь присвоила себе обряд именованья людей (крещение), постольку она регламентировала форму имен, фиксируя ее в святцах — календаре церковных праздников, посвященных тем или иным святым. Но в святцах имена стояли в одной форме (род. падежа), что и приводило к закреплению ударения за определенным слогом. Следовательно, постоянство ударения, его неподвижность при словоизменении личных имен обусловлено также и регламентацией их формы.

7. Одной из замечательных особенностей антропонимики, как видно из предыдущего абзаца, является то, что это пласт лексики, в котором была возможна сознательная регламентация, практически осуществлявшаяся и в прошлом.

8. Специфичностью семантики ономастической лексики, единичностью, индивидуальностью объектов, называемых тем или

иным топонимом или антропонимом, объясняется, вероятно, легкость, с которой лексикализуются своеобразные в морфолого-словообразовательном отношении формы или фонетические варианты имен собственных. Выше уже была отмечена лексикализация преобразованного в сложное слово словосочетания *Новгород*, в котором прилагательное, утратив склонение, превратилось в первую часть сложения, присоединенную без соединительного гласного, обычного в этом (четвертом, по классификации академической грамматики русского языка ¹¹²) типе сложных слов.

Фонетические варианты антропонимов лексикализуются по причине того, что имя, кроме канонической (календарной) формы, имело и разговорную, возникшую в процессе усвоения народом слова, звуки в котором сочетались по законам, не свойственным русскому языку. Так, наряду с канонической формой *Агриппина* существовала разговорная форма *Аграфена/Огрофена*. Ввиду значительного расхождения в звучании их трудно идентифицировать. Однако в сознании людей XVII в. они отождествлялись. Аввакум обычно называет свою дочь *Огрофеной*, но в одном случае употребляет каноническое имя, несколько приблизив его звучание к разговорной форме *Агрепѣна*. Не является ли это отголоском обычая, существовавшего еще в XVI в., кроме церковного имени давать еще и бытовое ¹¹³? Может быть, разговорные формы в XVII в. и стали выполнять функцию «мирских» имен при канонических, данных при крещении. Полностью оборвалась этимологическая связь, во всяком случае для современного сознания, разговорного имени *Нифантий* с каноническим именем *Вонифатий/Бонифаций*, и оно стало функционировать как самостоятельная лексема.

Наибольшей способностью к лексикализации фонетических особенностей обладают фамилии, образованные от личных имен. Это происходит потому, что если разговорную форму имени удастся (с большим или меньшим трудом) идентифицировать с литературной, и в официальной практике первая нередко заменяется второй, то фамилия в нормальных условиях ¹¹⁴ не может быть «исправлена», ибо это является искажением ее. Звучание [фл'имон] с редукцией гласного в первом слого и даже [л'имон] — результат редукции на акустическом уровне — легко отождествляется с именем *Филимон*, но фамилия *Лимонов* может и не вызывать ассоциации с *Филимонов*.

---

¹¹² Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология, стр. 276.

¹¹³ Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен, стр. 202 (примечание).

¹¹⁴ Напр., фамилия Пиньжаков, этимология которой — 'потомок Пиньжака — выходца с реки Пинеги', исправлялась в школьных условиях в Пиджаков.